ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 43 ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ 1914 23 ОКТЯБРЯ.

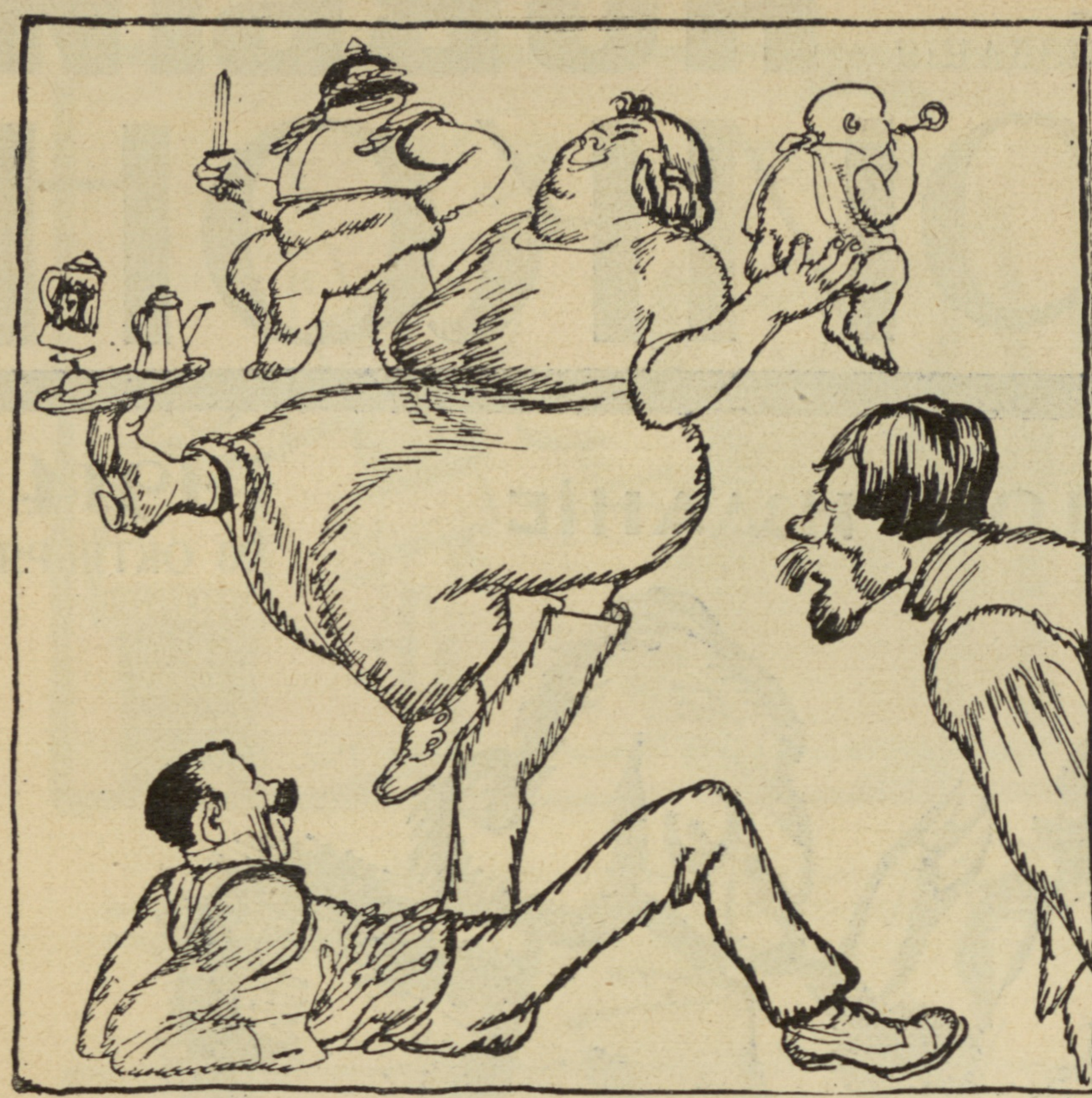
ФАМИЛЬЯРНОЕ ОБРАЩЕНІЕ.

Вильгельмъ: — Эй, ты, какъ тебя... Гете! Слѣзай-ка внизъ. Что у тебя общаго съ этими варварами? Иди ко мнѣ!

Гете: — Отвяжись, Вилли! Оставь меня въ покоѣ!! Я хочу быть въ своемъ обществѣ.

КАКЪ КТО КОГО ПОРАЖАЕТЪ.

Рис. В. Лебедева.



ДО ВОЙНЫ.

Русскій: — Этотъ нѣмецъ меня поражаетъ!

НА ВОЙНѢ.

Нѣмецъ: — Этотъ русскій меня поражаетъ.

БОЛГАРІИ.

Открытое письмо.

О, далекая юная Дѣва!
Ваша новая скорбная роль
Ни упрека не встрѣтитъ, ни гнѣва,
Только — горькую, черную боль.
Породило Васъ знойное пламя
На истокѣ далекихъ временъ,
Пеленало Васъ общее знамя
Многоликихъ великихъ племенъ;
Осѣнилъ Вашу долю Мессія,
Озаряя пути впереди;
Принимала Васъ мамка-Россія
На широкой мужицкой груди;
Берегла Ваше хрупкое тѣло,
Отстраняя народы окрестъ,
И сама Вамъ на шею надѣла
Искупительный, мертвенный крестъ;
За богатыя Ваши крестины
Заплатила по счету сполна, —
Изъ кровавой славянской братины
Далеко доплеснула волна;
Охраняла — и зорко и гнѣвно —
Отъ нежданной и тяжкой бѣды:
На груди ея — Шипка и Плевна,
И иные больные слѣды;
И, во имя грядущихъ сліяній,
Въ глубинѣ молодого гнѣзда,
Отъ луча безкорыстныхъ дѣяній
Загорѣлась и Ваша звѣзда...
Вы росли... Вы мужали душою;
И въ одинъ историческій день
Неожиданно стали «большою»,
Устранивъ материнскую сѣнь.
Предоставивъ Васъ всяческимъ благамъ,
У излучины жуткихъ дорогъ,
Мы слѣдили за трепетнымъ шагомъ
Вашихъ юныхъ, неопытныхъ ногъ.
А потомъ... Послѣ года разлуки
Снова встрѣтились наши пути...
Мы — опять протянули Вамъ руки,
Вы — изволили мимо пройти.
И теперь испытующимъ взоромъ
Мы слѣдимъ Вашу новую роль,
И легла она чернымъ узоромъ
На великую русскую боль:
Вы вкусили отъ тайнаго яда,

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

И, далекая юная Дѣва,
Ваша новая скорбная роль
Ни упрека не встрѣтитъ, ни гнѣва,
Только — горькую, черную боль:
Не за Васъ... А за тѣхъ, что скорбѣли,
Что руду проливали рѣкой
У змѣиной чужой колыбели,
Охраняя Вашъ черный покой!

Владиміръ Воиновъ.

О ВОЕННЫХЪ ДѢЛАХЪ И ГАУБИЦѢ.

Фельетонъ Тэффи.

Мы сидѣли въ гостяхъ у Настасьи Петровны: Софья Павловна, я и баронесса Функенъ.

Толковали о военныхъ дѣлахъ.

У Настасьи Петровны всегда толковали о военныхъ дѣлахъ, во-первыхъ, потому, что ея покойный мужъ умеръ въ чинѣ корнета, а, во-вторыхъ, потому, что за ней прошлой зимой ухаживали одновременно два капитана.

На стѣнѣ у Настасьи Петровны виситъ географическая карта, вся утыканная разноцвѣтными флажками, которые Настасья Петровна ежедневно перетыкиваетъ на свой вкусъ и ладъ.

— Я люблю военное дѣло. Оно, положимъ, только тогда и интересно, когда разбираешься въ немъ тонко. Есть, конечно, такіе писаки, которые не умѣютъ отличить полковника отъ ружья. Увѣряю васъ — мнѣ самой довелось прочесть въ какомъ-то романѣ: «Я васъ люблю, — неожиданно выпалилъ полковникъ». Ясное дѣло, что выпалило ружье, а полковникъ при этомъ сказалъ: «Я васъ люблю». Но развѣ они могутъ толково разобраться въ этомъ дѣлѣ?!

Она нервно переставила нѣсколько флажковъ.

— Скажите, Настасья Петровна,—робко спросила я,—отчего это у васъ на Малайскихъ островахъ все русскіе флаги?

— Оттого, что, дитя мое, эти острова могутъ представить великолѣпную базу для операцій нашего пограничнаго флота.

— Ужасная, ужасная вещь эта война! — вздохнула Софья Павловна.

— Одеколонъ уже на полтинникъ вздорожалъ! — вставила баронесса.

— А наши все гонятъ да гонятъ австрійцевъ. Я читала недавно въ газетѣ письмо одного офицера. Пишетъ: «Пятыя сутки гонимся за врагомъ, никакъ догнать не можемъ. Не спимъ, не ѣдимъ, не отдыхаемъ, бѣжимъ дни и ночи, а догнать не можемъ». Какъ вы къ этому относитесь, Настасья Петровна?

Настасья Петровна мрачно сдвинула брови.

— Какъ я отношусь? Нахожу, что здѣсь мало хорошаго. Австрійцы, какъ уже дознано зоологами, во время бѣга развиваютъ бѣшеную скорость. Вы думали, они даромъ устраивали у себя разные сокольскіе и прочіе спортивные кружки? Это они къ войнѣ готовились. Теперь они, выражаясь военнымъ языкомъ, задаютъ, такъ называемые, «лататы». Для окрестныхъ странъ это очень опасная штука. Русскіе гонятъ — австрійцы бѣгутъ. Остановить ихъ нѣтъ никакой возможности, никакихъ средствъ. Вы понимаете, что это значитъ? Не сегодня-завтра, они проскочутъ черезъ всю Австрію, черезъ Германію, частью, черезъ Швейцарію, выскочатъ во Францію, пока не добѣгутъ до естественной границы — до океана, гдѣ частью потонутъ, частью кинутся вплавь на Америку. Дальнѣйшее намъ безразлично, но, по отношенію къ Франціи это очень, съ нашей стороны, легкомысленно. Вѣдь они перетопчутъ ее всю сапожищами.

Мы притихли, подавленныя. Первая очнулась баронесса.

— Сколько ужасовъ несетъ война! Вы слышали — одеколонъ вздорожалъ на полтинникъ...

— Да, многое, многое еще не совершенно, — вздохнула Настасья Петровна, затыкивая бельгійскій флажокъ на вершину Гималаевъ. — Многое! А совѣтовъ не слушаются. Откровенно говоря, я уже послала нѣсколько открытокъ въ штабъ арміи съ указаніями. Очевидно, ихъ даже не прочли. Столько необдуманныхъ поступковъ. Вы, навѣрное, согласитесь со мной, медамъ. Напримѣръ, крѣпости. Зачѣмъ эти крѣпости? Однѣ строятъ, другія берутъ. Къ чему это? Не строй. А разъ кто-нибудь выстроилъ — не бери, не лѣзь. Къ чему лѣзть непремѣнно на крѣпость, разъ каждый ребенокъ знаетъ, что въ крѣпости войско и пушки и, вообще, сосредоточеніе военныхъ силъ? Не лѣзть надо на крѣпость, а, наоборотъ, стараться какъ можно дальше обойти ее. Ну, представьте себѣ — вы пошли гулять и вамъ говорятъ: «Сегодня на Садовой, въ каждаго, кто туда носъ сунетъ, будутъ изъ пушки палить». Неужели же, вы туда пойдете? Вѣдь это же, извините меня, мальчишество. Съ другой стороны, если ужъ тебѣ непремѣнно приспичило строить крѣпость, такъ строй ее такъ, чтобы никто не зналъ, гдѣ она находится. Пойдутъ враги мимо и не замѣтятъ, что у васъ тамъ всякія укрѣпленія нагорожены. Пройдутъ и не тронутъ, и крѣпость цѣла. Можете даже потомъ имъ вслѣдъ немножко пострѣлять, чтобъ они удивились.

— Настасья Петровна! — спросила я. — Скажите мнѣ, пожалуйста, — что такое гаубица?

Эта гаубица давно смущала меня. Признаться откровенно — я просто не знала, что такое гаубица.

Какъ-то спросила у знакомаго полковника, а онъ, вмѣсто отвѣта, засмѣялся и сказалъ: «Вотъ вы какими дѣлами интересоваться стали! Ужъ не мѣтите ли вы въ главнокомандующіе?»

Это несправедливое подозрѣніе страшно обидѣло меня и заставило быть осторожнѣе. Рѣшила больше къ спеціалистамъ не обращаться.

Но, все-таки, гаубица не давала мнѣ покоя.

— Гаубица? — подхватила Софья Павловна. — Да, неужели, вы не знаете, что такое гаубица? Для этого вовсе не нужно быть особымъ знатокомъ военнаго искусства. Это такъ просто. Гаубица — это просто такая пуля, которая не летитъ, какъ обыкновенная пуля, — а вдругъ останавливается въ воздухѣ и сама выбираетъ себѣ жертву.

— И ничего подобнаго! Буквально ничего похожаго! — возмутилась баронесса. — Гаубица — это просто такое ругательное слово, спеціально военное. Въ мирное время оно не употребляется.

— Быть не можетъ!

— Увѣряю васъ. Я сама читала: «На нашу храбрую вылазку непріятель отвѣтилъ намъ гаубицами». Что же они, по-вашему, комплиментами отвѣчать намъ будутъ, что ли?

— А какъ же я читала, — допытывалась я, — что нашимъ войскамъ достались непріятельскія гаубицы?

— Ну, да. Что же васъ удивляетъ? Разъ наши войска одержали побѣду, вполнѣ естественно, что непріятель со злости, отпускаетъ по нашему адресу, свои гнусныя гаубицы.

— А какъ же я читала, что было нами взято столько-то плѣнныхъ и столько-то гаубицъ?

— Ахъ, вотъ въ какой связи это было сказано! Такъ бы и говорили. Слово гаубица имѣетъ еще другое значеніе. Это — въ родѣ маркитантокъ. Ну, да. Что вы на меня смотрите, баронесса? Конечно, въ родѣ маркитантокъ. Не совсѣмъ, но очень похоже...

— Настасья Петровна! — съ робкой мольбой сказала я. — Что же такое гаубица?

Она словно очнулась отъ глубокой думы.

— Ахъ, дитя мое, это зависитъ отъ того, въ какомъ смыслѣ... Въ какой связи... Какъ было сказано: у насъ гаубица или у нихъ?

— Кажется, у нихъ.

— У нихъ? Ну, въ такомъ случаѣ, навѣрное, какая-нибудь гадость.

Теперь я все знаю.

Гаубица — это такая маркитантка, которая останавливается въ воздухѣ и выбираетъ себѣ жертву для ругательнаго слова военнаго времени.

Вотъ и все! И было чего мучиться!! **Тэффи.**

ДВА ПЕЙЗАЖА.

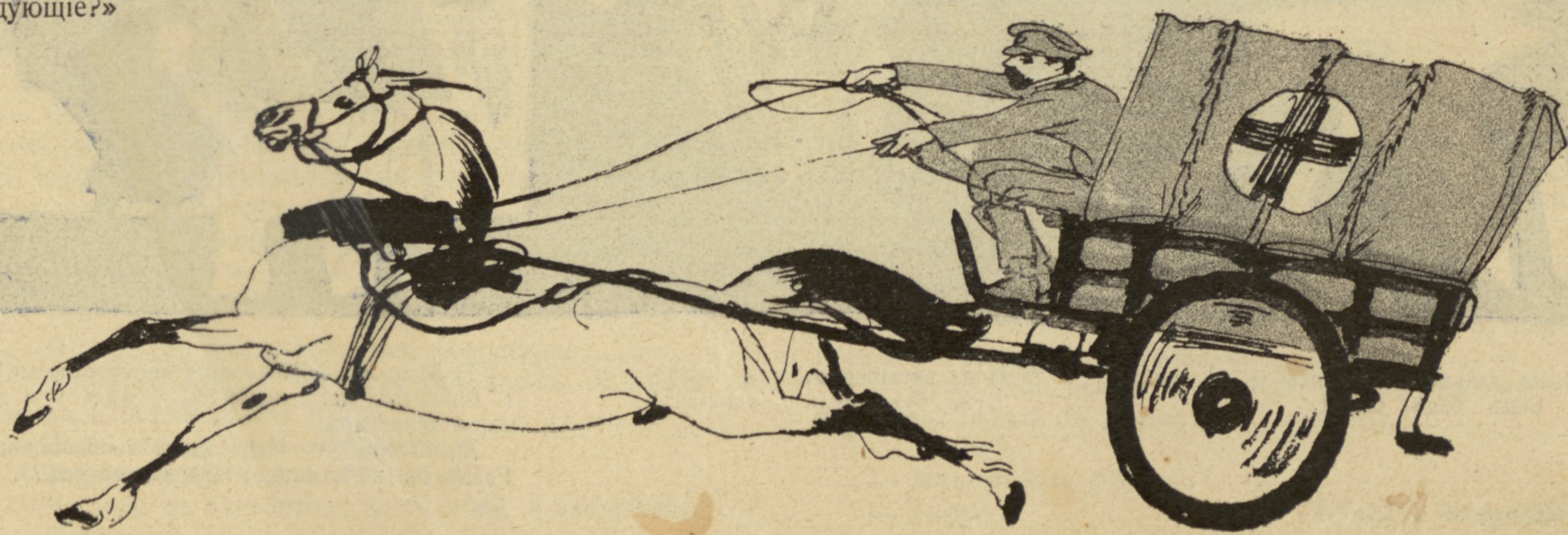
Русскій:

Поля, околица, гумно;
Понурая, со сбитой гривой,
Гуляетъ лошадь, — а за нивой
Избенки мутное окно.

Нѣмецкій:

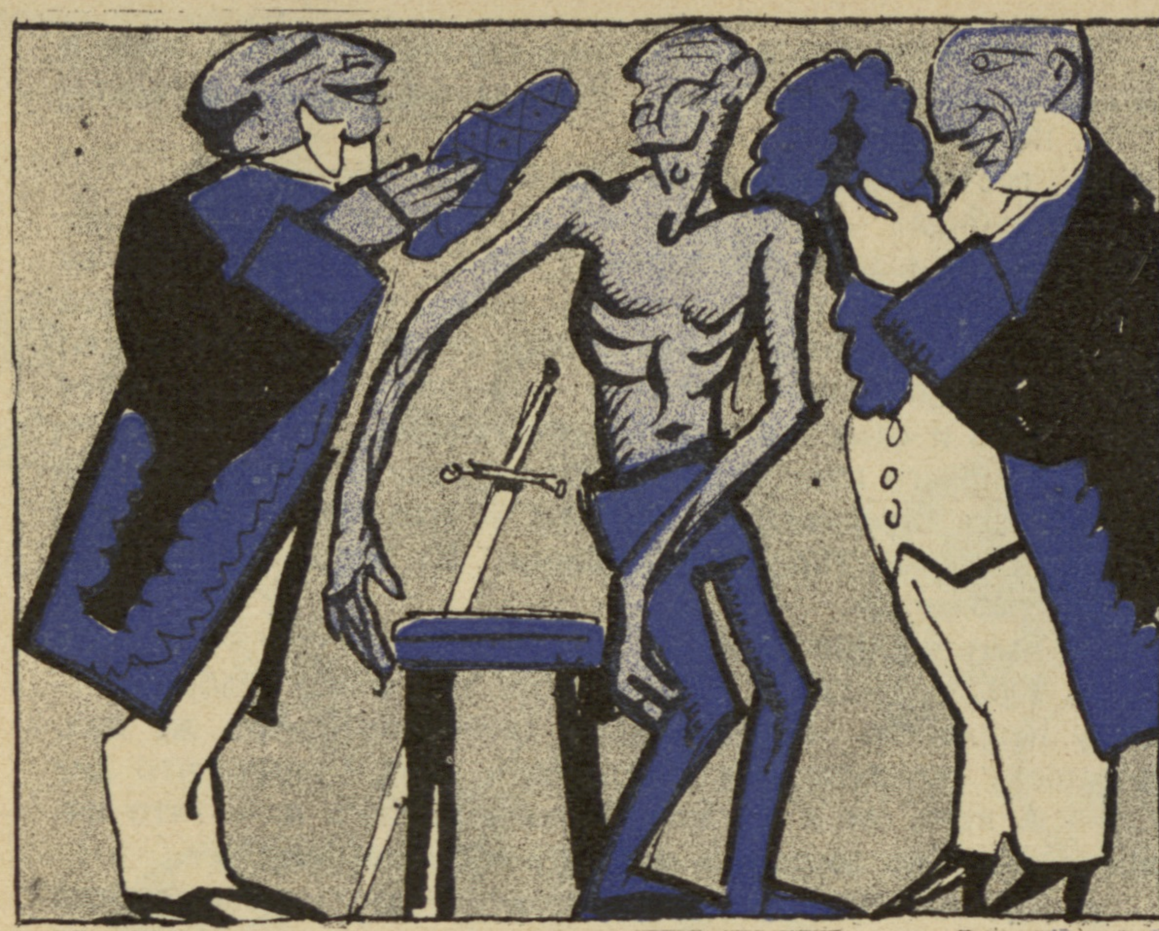
Опрятный домикъ — изъ вѣтвей
Глядитъ совсѣмъ игрушкой;
Квадратный дворъ, семья свиней,
Въ пескѣ Карлушка съ пушкой.

Присмотришься: въ стѣнѣ бойницъ
Чернѣетъ рядъ — для «голубицъ»...
Но для каковскихъ? — Круппа!
И смотритъ домикъ тупо... **Алек... Алек...**

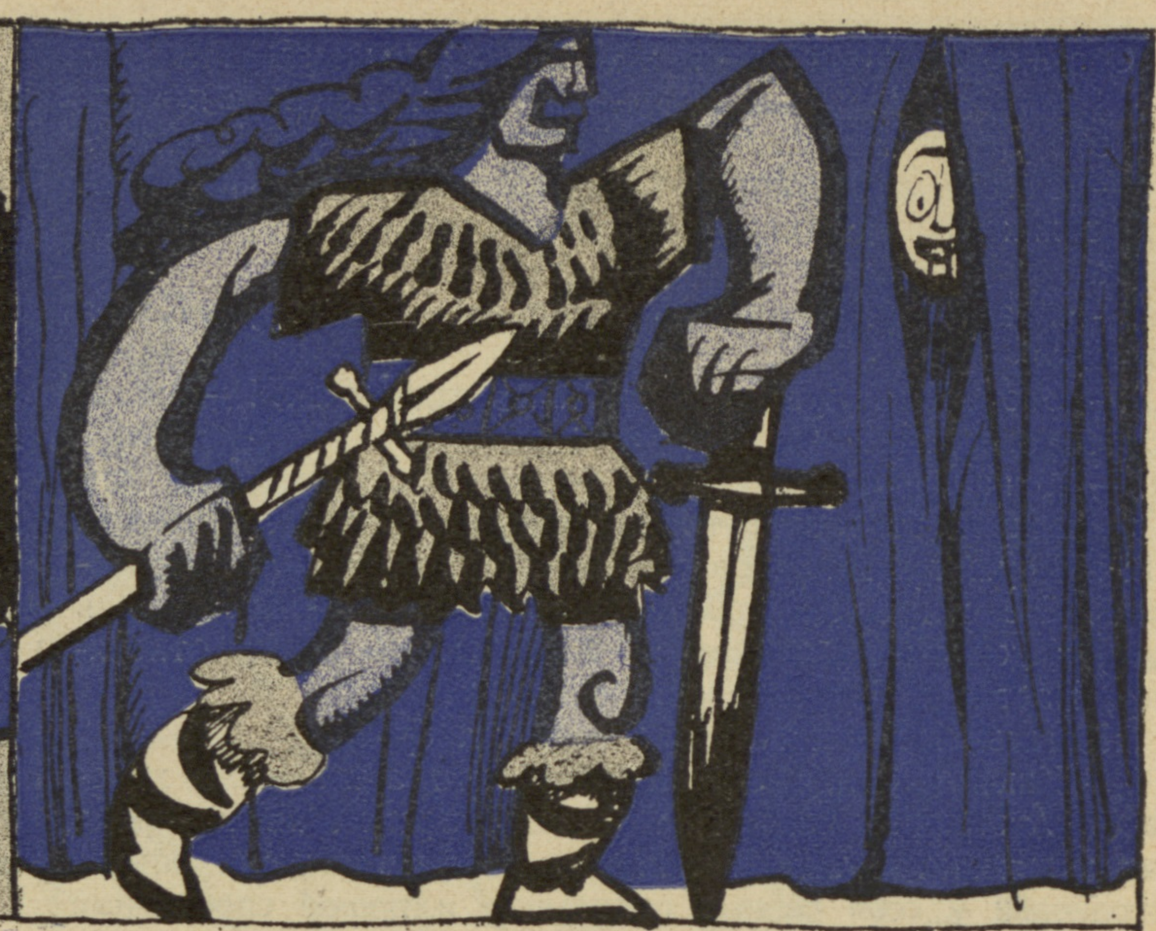


ВИЛЬГЕЛЬМЪ И НАРОДЪ.

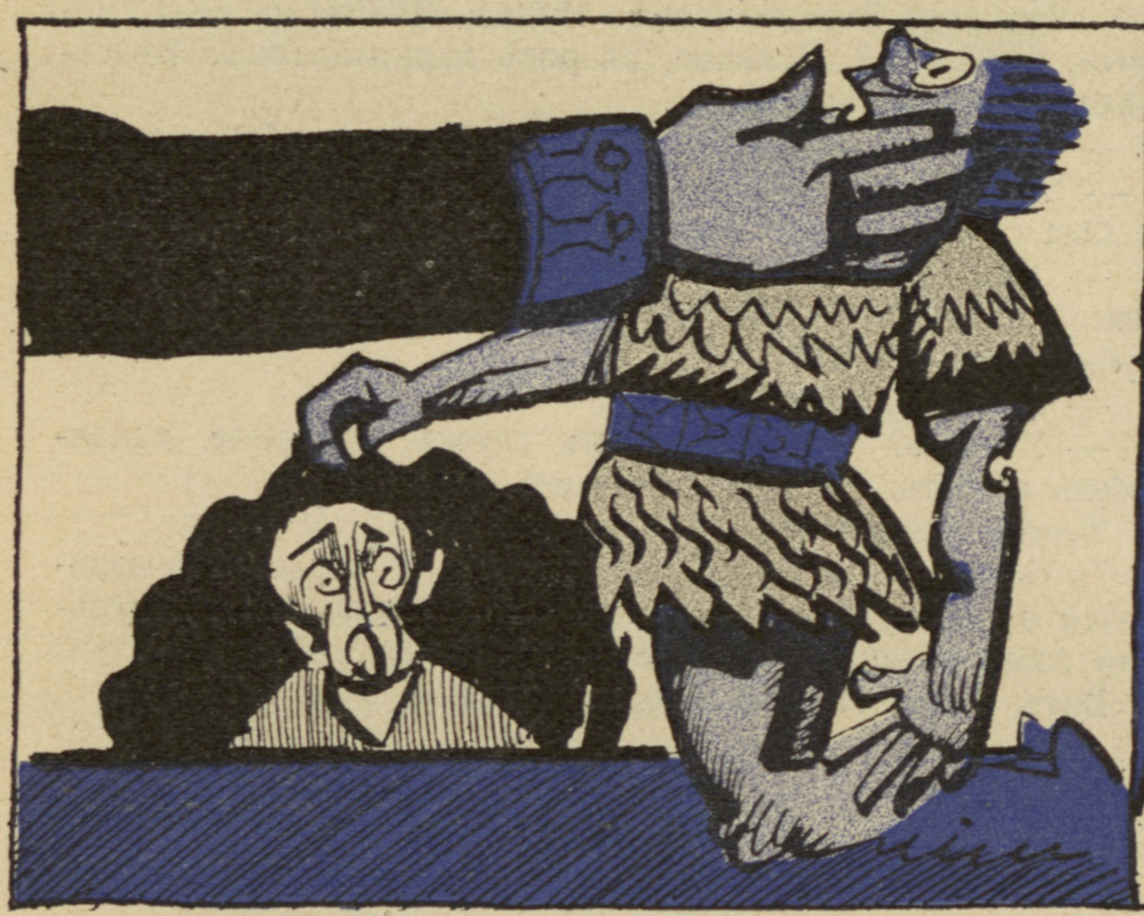
Рис. А. Радакова.



1) Купивъ на деньги Михеля гриммъ, костюмы и всякія побрякушки, — дипломаты и придворные одѣли Вильгельма Парсифалемъ, провозгласили геніемъ и на сцену выпустили.

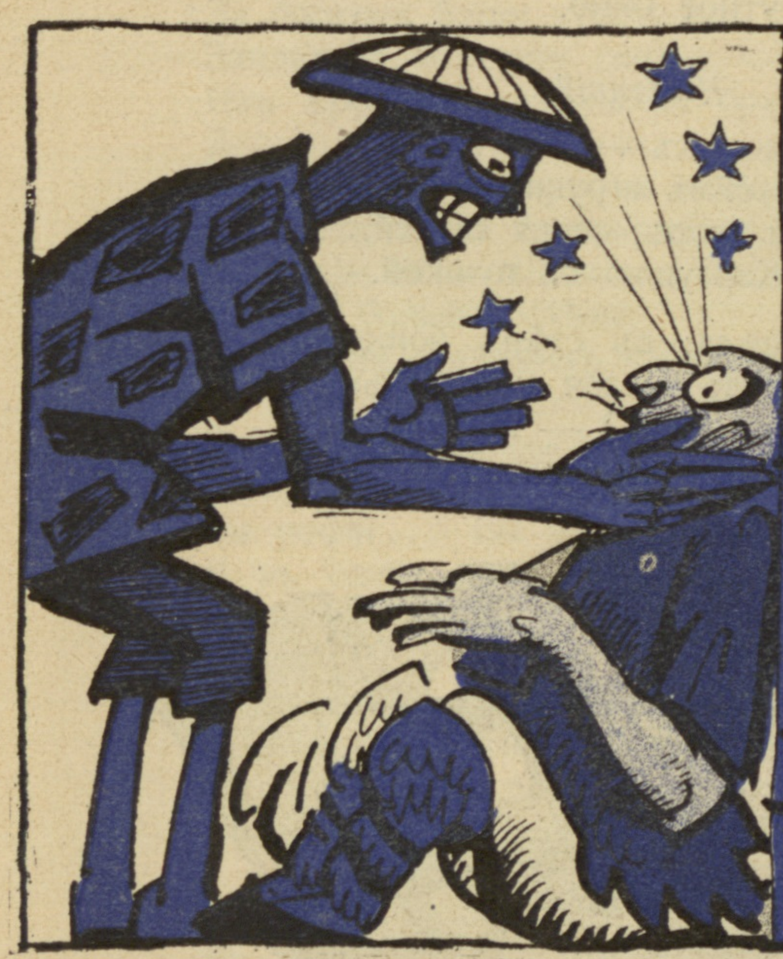


2) Въ первыхъ рядахъ сидятъ всякіе дипломаты да важныя персоны, — всѣ приготовились на лицедѣйство любоваться и Михелю зволили въ щелочку посмотрѣть на своего повелителя.



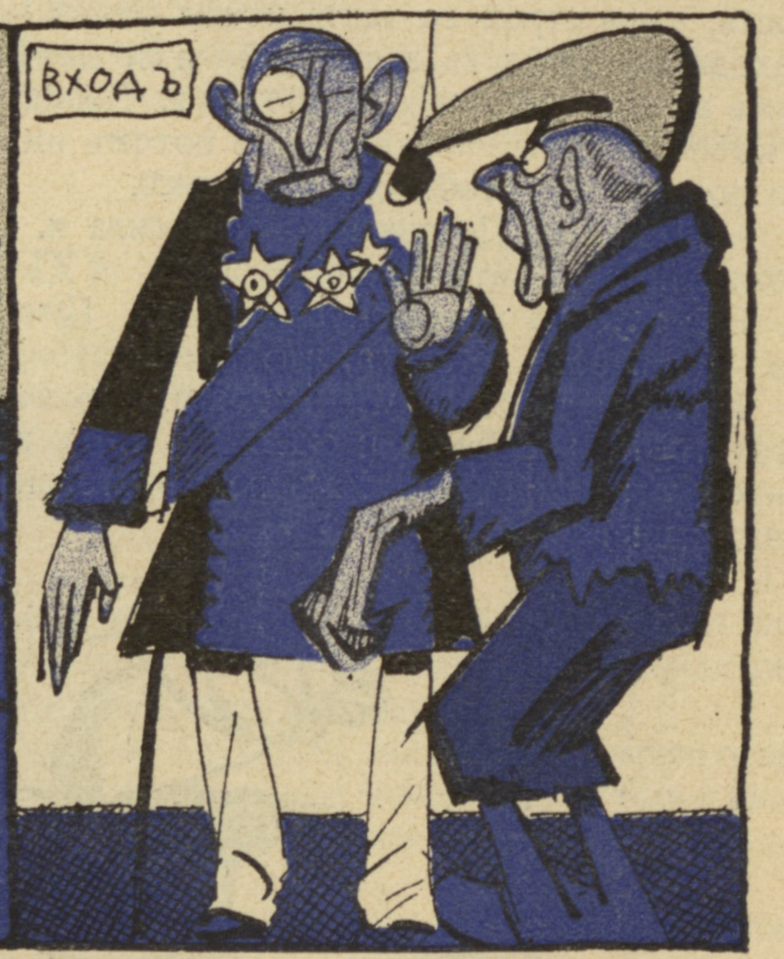
3) Началось представленіе на восточномъ театрѣ.
Эхомъ раскатилась великая оплеушина:
Тр-а-а-хъ, ахъ-ахъ тра-та-а, та, та-а-а!!!

4) И на западномъ театрѣ опять по лицу:
Тра-та-та-та-та-та... бацъ, бацъ, бацъ!!!



5) И на дальне-восточномъ — по щекѣ:
Бацъ! бацъ! бацъ!

6) И на англійскомъ:
Буль, буль, буль... а-а-а-а!!!



7) *Михель:* — Позвольте посмотрѣть мнѣ, г. министръ, какъ играютъ, — вѣдь и я за мѣсто заплатилъ.
Министръ: — Игра идетъ великолѣпно! Развѣ ты не слышишь аплодисментовъ?!.

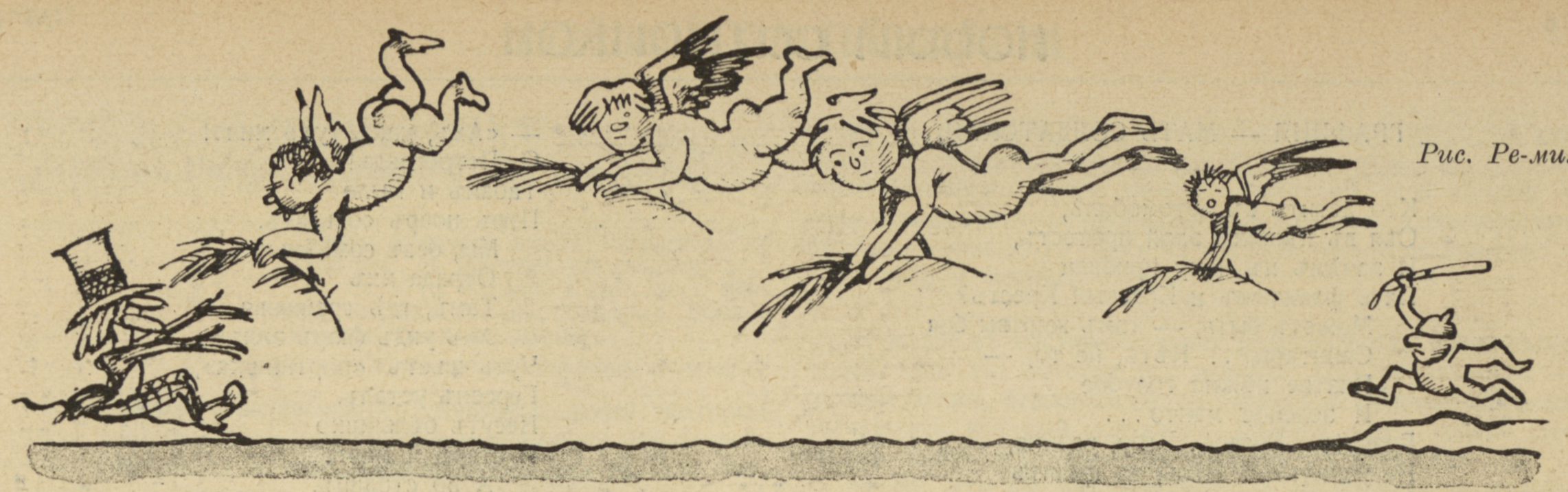


Рис. Ре-ми.

ОСЕННІЙ ПЕРЕЛЕТЪ АНГЕЛОВЪ МИРА ВЪ АМЕРИКУ.

СПИРТНАЯ ПОСУДА.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

I. *Крушеніе надеждъ.*

— Знаете, Илья Ильичъ, гляжу я на васъ — и удивляюсь. Какъ это вы, доживши до сорока лѣтъ...

— Что вы! Мнѣ пятьдесятъ восемь.

— Пятьдесятъ восемь?!! Это неслыханно! Никогда бы я не могъ повѣрить — такой молоденькій!.. Такъ вотъ я и говорю: какъ это вы, доживши до... сорока восьми лѣтъ, сумѣли сохранить такую красоту души, такую юность порывовъ и широту взглядовъ. Въ васъ есть что-то такое рыцарское, такое благородное и мощное...

— Вы меня смущаете, право...

— О, какое это красивое смущеніе — признакъ скромной дѣвичьей души! И потомъ, — вы знаете, ваше умѣнье говорить образными, надолго западающими въ сердце фразами — какъ оно рѣдко въ наше время!

— Ну, что вы, право!

— Ну, вотъ, напримѣръ, эта краткая, но отчеканенная, отшлифованная, какъ бриллiантъ, фразочка: «Ну, что вы, право». Сколько здѣсь рыцарской застѣнчивости, игриваго глубокомыслія, дѣтской скромности и умаленія себя! А вѣдь фразочка — короче воробьинаго носа. «Въ немногомъ многое», какъ говорилъ еще Геростратъ. Не удивительно, что бесѣда съ вами освѣжаетъ. Потомъ, что мнѣ нравится — такъ это ваши дѣтки. Умныя, скромныя и такія способныя-преспособныя. Напримѣръ, старшенькій — Володя. Помилуйте! Вѣдь это образецъ!! Кстати, что это его не видно...

— Въ тюрьмѣ сидитъ, за растрату.

— Ага. Такъ, такъ. Ну, дай Богъ, какъ говорится. Младшенькій тоже достоинъ всякаго удивленія. Вся гимназія, говорятъ, не могла на него надышаться...

— Теперь уже она можетъ надышаться. Вчера его только выгнали изъ гимназіи за дебошъ.

— Ага... Ну, такъ о чемъ я, бишь, говорилъ? Да! Какая черта вашего характера кажется мнѣ преобладающей? А такая: что вы готовы послѣднимъ подѣлиться съ ближнимъ. Напримѣръ: на прошлой недѣлѣ вы какъ-то вскользь сказали мнѣ, что у васъ есть бутылка водки. И что же! Приди я къ вамъ сейчасъ и скажи вамъ: «Илья Ильичъ! У меня завтра обрученіе дочери и именины жены — уступите мнѣ свою бутылочку» — да вѣдь вы и слова не возразите. Молча пойдете въ свое завѣтное мѣстечко...

— Нѣтъ, простите, водки я вамъ дать не могу.

— Это еще почему?

— Не такой это теперь продуктъ. Отецъ родной если будетъ умирать — и тому не дамъ. Такъ что, ужъ вы, того... извините. Жену могу отдать, дѣтей, а съ бутылочкой этой самой не разстанусь.

— Очень мнѣ нуженъ этотъ хламъ — ваша жена и дѣти! А я-то, дуракъ, передъ нимъ, передъ сквалыгой, скалдырникомъ разливаюсь. Только время даромъ потерялъ. И что это за преподлый народишко пошелъ!! Что? Руку на прощанье? Ногу не хочешь ли?!. Отойди, пока я тебя не треснулъ!

II. *Великосвѣтскій романъ.*

— Баронесса! Вы знаете, что мое сердце...

— Довольно, князь! Ни слова объ этомъ. Я люблю своего мужа и останусь ему вѣрна.

— Вашъ мужъ вамъ измѣняетъ.

— Это все равно! А я его люблю.

— Но если вы откажетесь быть моей, я застрѣлюсь!

— Стрѣляйтесь.

— А передъ этимъ убью васъ!

— Отъ смерти не уйдешь.

— Имѣйте въ виду, что вашимъ дѣтямъ грозитъ опасность!

— Именно?

— Если вы не поѣдете сейчасъ ко мнѣ, я принесу когда-нибудь вашимъ дѣтямъ отравленныхъ конфетъ — и малютки, покушавъ ихъ, протянутъ ноги.

— О, какъ этотъ извергъ меня мучаетъ!.. Но... будь, что будетъ. Лучше лишиться горячо любимыхъ дѣтей, чѣмъ преступить супружескій долгъ.

— Ты поѣдешь ко мнѣ, гадина!!

— Никогда!

— А если я тебѣ скажу, что у меня въ роскошной шифоньеркѣ съ инкрустаціями стоитъ полбутылки водки съ бѣлой головкой?!!

— Князь! Замолчите! Я не имѣю права васъ слушать...

— Настоящая казенная водка! Подумайте: мы нальемъ ее въ стаканчики толстаго зеленаго стекла и...

— Князь! Поддержите меня, я слабѣю... О, я несчастная, горе мнѣ! Ѣдемъ!!

Черезъ двѣ недѣли весь большой свѣтъ былъ изумленъ и взбудораженъ слухомъ о связи баронессы съ распутнымъ княземъ. . . . . .

О, проклятое зелье!

III. *За столомъ богатаго хлѣбосола — въ будущемъ.*

— Рюмочку политуры!

— Что вы, я уже три выпилъ.

— Ну, еще одну. У меня вѣдь Козихинская, высшій сортъ... Нѣкоторые, впрочемъ, предпочитаютъ Синюхина и К°.

— Къ рыбѣ хорошо подавать темный столярный лакъ Кноля.

— Простите, не согласенъ. Рыба любитъ что-нибудь легонькое.

— Вы говорите о денатуратѣ? Позвольте, я вамъ налью стаканчикъ.

— Не откажусь. А это что у васъ въ пузатой бутылочкѣ?

— Младенцовка. Это я купилъ у одного доктора, который держалъ въ банкахъ разныхъ младенцевъ — двухголовыхъ и прочаго фасона. Вотъ это, вотъ двухголовка, это близнецовка. Это — сердцепьянцевка. Хотите?

— Нѣтъ, я спеціальныхъ не уважаю. Если позволите, простого выпью.

— Вамъ какого? Цвѣточнаго, тройного? Я, признаться, своими одеколонами славлюсь.

Гость задумчиво:

— А вѣдь было время, когда одеколономъ вытирали тѣло и душили платки.

— Дикари! Мало ли, что раньше было... Вонъ, говорятъ, что раньше политуру и лакъ не пили, а какимъ-то образомъ натирали ими деревянныя вещи...

— Господи, помилуй! Для чего жъ это?

— Для блеску. Чтобы блестѣли вещи.

— Чортъ знаетъ, что такое. И при этомъ, вѣроятно, носили въ ноздрѣ рыбью кость?..

— Хуже! Вы знаете, что они дѣлали съ вежеталемъ, который мы пьемъ съ кофе?

— Ну, ну?

— *Имъ мазали голову.*

— Тьфу!

Аркадій Аверченко.

ГРАФИНЯ — МАТЬ СОЛДАТСКАЯ.

Кто летитъ въ автомобилѣ,
Сѣя въ пѣшихъ злой протестъ,
И зачѣмъ къ нему прибили
Пять флажковъ и Красный Крестъ?
Можетъ быть, — тамъ жертвы боя
Санитары? .. Нѣтъ, не то, —
Платье нѣжно голубое
И зеленое манто ...
Браво! .. Браво! .. Фу, разиня, —
Не узналъ? .. Вѣдь, то пылитъ
Наша добрая графиня,
Анна Львовна фонъ-деръ-Флитъ.

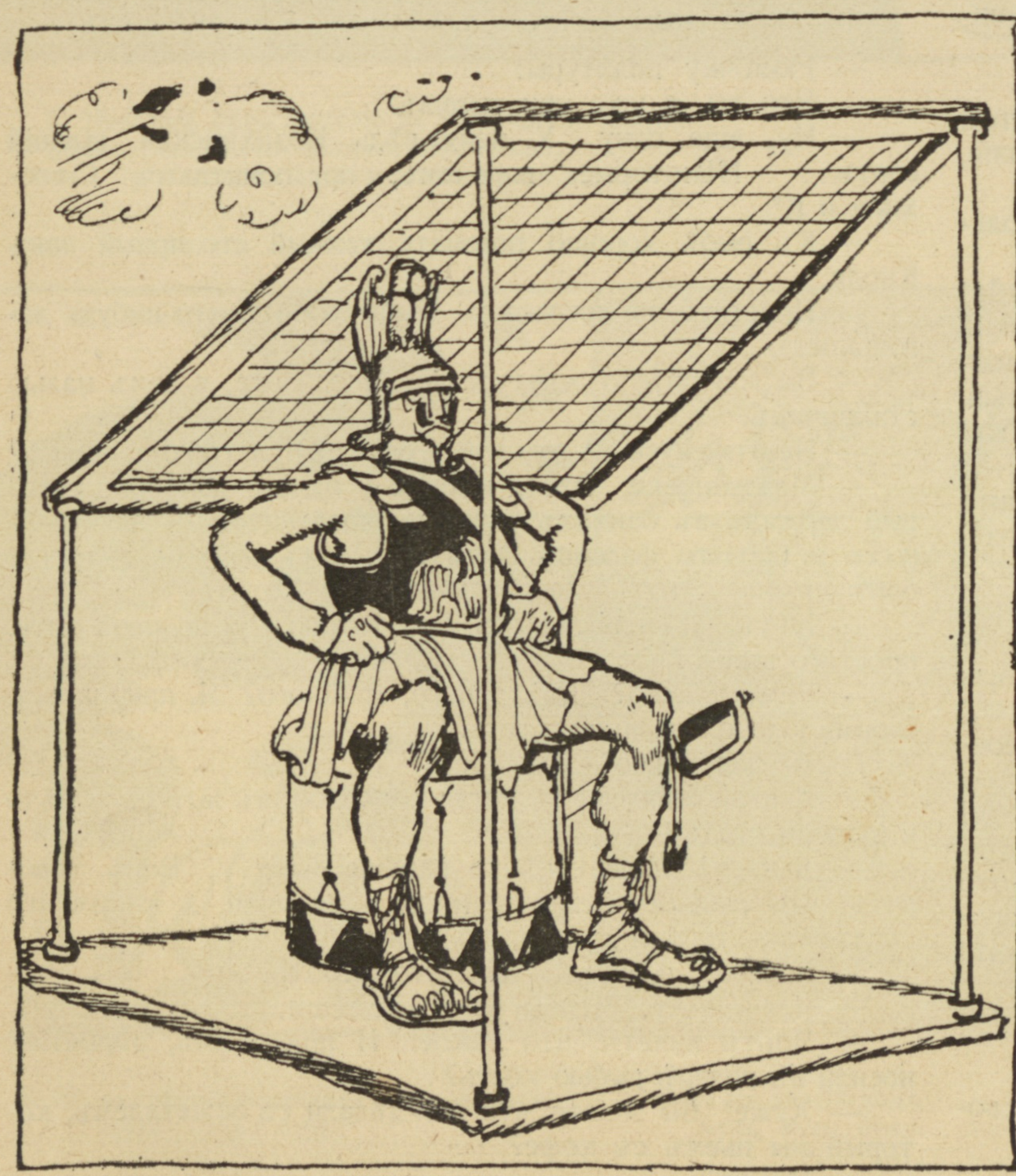
На пунктѣ тихо ...
Во тьмѣ кальсонъ,
Лизокъ портниха,
Юристъ Герсонъ
Бѣлье считаютъ,
Кромсаютъ, шьютъ,
Все успѣваютъ
И тамъ и тутъ.
Ихъ незамѣтно,
Ихъ нѣтъ средь насъ.
Зато, какъ Этна,
Горячъ экстазъ.
А по столицѣ,
Вздымая пыль,
Съ графиней мчится
Автомобиль.
Тамъ вѣютъ флаги
И «Шантеклеръ».
Чертитъ зигзаги
Артистъ шофферъ.
— «Иванъ! Разиня!
У «пункта» стопъ!»
Войдетъ графиня
Въ казенку-гробъ:
— «Ахъ, какъ тутъ мило!
О, Петроградъ!
Табакъ и мыло
Пуръ повръ сольдатъ.
Мы, безъ сомнѣнья, —
Отрада ихъ
Тамъ, гдѣ сраженья
Анъ ундъ фюръ зихъ» ...
Чуть шьетъ «портнишка»,
Герсонъ усталъ.
Несутъ бѣльишко
И старъ и малъ.
А по столицѣ,
Вздымая пыль,
Вновь дальше мчится
Автомобиль.
— Иванъ, — тоскую
О страшныхъ дняхъ.
Маршъ на Морскую
Во весь размахъ.
Ушибла палецъ
И слышу боль.
Для насъ, страдалицъ,
Все это — ноль!
Нельзя графини
Нигдѣ поймать.
Графиня нынѣ
Солдату — мать.
Графиня всюду,
Что репортеръ,
Являясь люду
Что метеоръ.
Но ... вышла драма:
Скривили бокъ
И «Панорама»,
И «Огонекъ».
О, муки ада!
Пришлось страдать.
О, Русь! .. Какъ надо, —
Не могутъ снять ...

Евг. Вѣнскій.

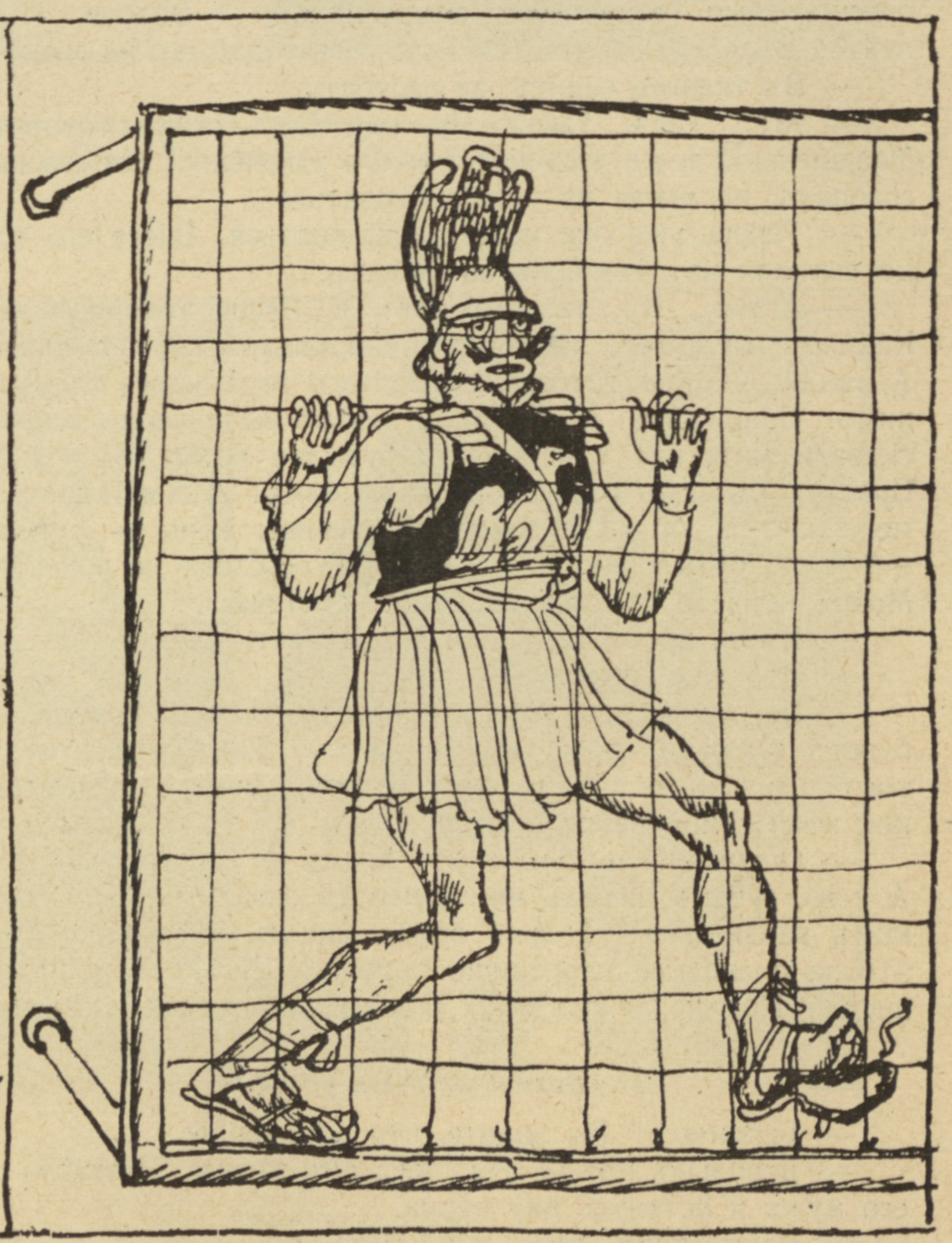
НѢТЪ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА.

Рис. В. Лебедева.

Надъ ставкой Вильгельма протянута сѣтка отъ бомбъ съ аэроплановъ. *(Изъ газетъ).*



Вильгельмъ: — Эта сѣтка очень кстати...



Мало ли, что можетъ случиться, анъ я уже и привыкъ...

О НЕМНОГИХЪ.

(Гвандра, Бермудскіе острова и свой человѣчекъ.)

Всего разыграно будетъ 19 призовъ на 21,893 руб., съ участіемъ 129 рысаковъ. . . . Сп. V гр. 803 руб. 1 вер. Мечъ, Вонвардъ-Бедуинъ, Гвандра, Нобились, Ропотъ, Онъ-Мой, Сно-Болъ, Дарьялъ.

(Съ послѣдней страницы газеты).

Я не люблю экспансивныхъ, горячихъ людей, которыя готовы ударить своего квартиранта пепельницей изъ-за разногласія по поводу метеорологическаго бюллетеня, или разссориться съ гостемъ на почвѣ несовершенствъ карантиннаго устройства въ Западной Индіи; но есть люди, которые мнѣ глубоко противны: это люди безразличія, живущіе внѣ мѣста и времени.

* * *

— Ну, что слышно? . .

— Проиграли, братъ . . . Вдребезги.

— Почему же, Миша? Судя по телеграммамъ . . .

— Хорошія телеграммы . . . Пришли въ редакцію и сами написали — имъ и деньги за это дадутъ . . .

— Да что ты, Мишенька . . . Кто же будетъ нарочно писать о томъ, что мы проиграли, да еще деньги за это требовать . . .

— Требовать, требовать . . . Сами даютъ . . . И потомъ, при чемъ мы, твое дурацкое — мы... Не ты проигралъ, а мы...

— Какъ при чемъ... Я русскій, у меня дядя полковникъ...

— Я тебя и не виню . . . Подумаешь — русскій . . . А если бы ты былъ французъ, такъ лошадь бы быстрѣе побѣжала?

— Какая лошадь, Мишенька?

— Вотъ теперь — какая . . . Что же ты думаешь, не изъ-за Гвандры или Вонварда мы проиграли? Да? По-твоему, я на Ропота ставилъ? . .

— Представь себѣ, Миша, ничего не читалъ . . . Мы изъ-за Ауффенберга и изъ-за Гинденбурга выиграли . . . А насчетъ Вонварда или Гвандры — такъ, кажется — ничего, братъ... не знаю... Можетъ, изъ ландвера или ландштурма...

— Погоди, погоди . . . Я запишу . . . Какъ это: Гинденбургъ и Ландштурмъ? Въ слѣдующій же разъ поставлю . . . А твой Ландштурмъ этотъ — не недоуздокъ?

— Н . . . н . . . не знаю . . . Второй очереди . . .

— Что же онъ въ ординарѣ хорошо ходитъ?

— Да нѣтъ, кажется . . . Корпусомъ . . .

— Ну, я знаю, что не хвостомъ . . . Ты, навѣрное, хочешь сказать, что на корпусъ впередъ приходитъ . . . Первый приходитъ? Да что ты, не понимаешь, что ли? . .

— Да нѣтъ, какъ будто . . . Ихъ корпуса сзади . . . Для защиты территоріи . . .

Черезъ пять минутъ мы начинаемъ понимать другъ друга.

— Ахъ, ты о войнѣ, — недовольно тянетъ Миша, — читалъ, читалъ . . . Сегодня въ какой-то газетѣ пишутъ, что Португалія нейтралитетъ чей-то нарушила . . . Какъ это они, правда . . .

* * *

Я знаю, что ихъ немного, но мнѣ противно, что они вообще есть. Черная птица войны совершенно не задѣла ихъ своимъ крыломъ.

— Петя, ну, какъ дѣла? . . Есть новости кой-какія. Между прочимъ, Мыркинъ мнѣ еще до сихъ поръ не кланяется.

— Нѣтъ, а о войнѣ ничего не слышно? . . Я еще не успѣлъ сегодня . . .

— Да такъ . . . Все попрежнему . . . Германцы-то много ужъ... Силезію съѣли... Какъ это — Силезъ-Лотарингія...

— Силезія не тамъ, Петя . . . Это Эльзасъ-Лотарингія, а Силезія въ Австріи . . .

— Ну, я и говорю — вообще тамъ Сараево. О черногорцахъ говорятъ.

— А что же о нихъ говорятъ, Петя? . .

— Да такъ, пустое болтаютъ — Англія мудритъ. Заблиндировала Балтійское море, а говоритъ, Канадскія войска, Канадскія войска . . . При чемъ — тутъ, вообще, Нидерланды, если, все равно, черезъ мину не перепрыгнешь? . .

— Да гдѣ же мины, Петя?

— Что гдѣ? Въ водѣ, конечно . . . Ты что думаешь, я не понимаю, что ли? . . Я вотъ объ этихъ читалъ — тюркосы какіе-то чернокожіе съ французами сражаются . . . Настроилъ ихъ, должно быть, Энверъ-паша въ Дарданеллахъ . . . Влетитъ Абдулъ-Гамиду . . .

— Абдулъ-Гамидъ въ отставкѣ, Петя . . .

— Въ отставкѣ? Что же это газеты молчатъ . . . А кто знаетъ — можетъ и вообще . . . Говорятъ вѣдь, что о передвиженіи войскъ писать нельзя . . . Кстати, если хочешь, у меня вещица есть — прочитай вотъ тамъ . . . я спичкой отмѣтилъ — какого-то перса на вокзалѣ обокрали дочиста . . . Вотъ тебѣ и хваленая Персія . . .

* * *

Есть еще въ настоящее время разновидность противныхъ людей. Это тѣ, которые все знаютъ. Ихъ особенность — громкій голосъ, безпокойство въ глазахъ и: «одинъ знакомый человѣчекъ, который получаетъ свѣдѣнія, какія только еще черезъ полмѣсяца позволятъ печатать въ газетахъ» . . .

— Ну, что вы мнѣ говорите — французы . . . А Бермудскіе-то острова?

— При чемъ тутъ острова?

— Всѣ, батюшка, говорили: при чемъ, да при чемъ, а у нѣмцевъ осадная-то артиллерія и выросла. Вы пушку-то вообще видали? Штука, кажется, немудреная, колесики тамъ да дуло, а снарядъ домъ снести можетъ. За тридцать верстъ стоятъ, а отъ дома — одни перья. А вы говорите — острова . . .

— Это вы сказали — острова . . .

— А третьяго дня я вамъ этого же самаго не говорилъ? Мое и вышло — четыре броненосца взорвали . . . Вы когда-нибудь мину держали? Нѣтъ? Ну, вотъ видите . . .

— А вы-то видѣли?

— Я, батюшка, на минахъ и выросъ . . . И книжищъ уйму перечиталъ и перевидалъ все . . . Есть мины загражденія — такъ ихъ привязываютъ тамъ къ кораблю, пока не взорвется непріятель . . .

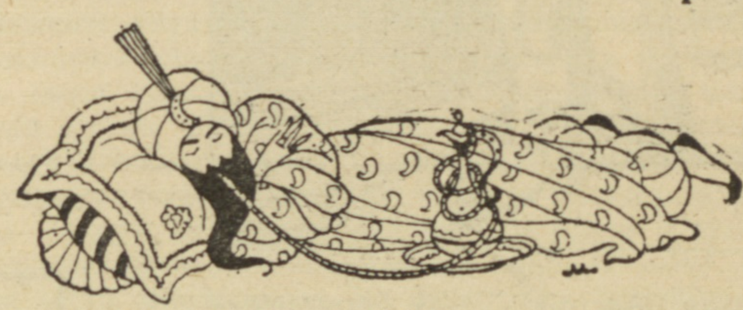
— Почему же этотъ-то корабль не взрывается?

— Совершенно напрасно смѣетесь. А предохранители-то? Мнѣ одинъ знакомый говорилъ . . . Можетъ быть, помните Василія Петровича? Нѣтъ? Онъ въ Воронежѣ сейчасъ . . . Такъ онъ мнѣ недавно говорилъ, что нѣмцы купили у японцевъ особыя осадныя мины — только это, пожалуйста, между нами — изъ тралеровъ и стрѣляютъ . . .

* * *

Въ мирное время такихъ людей можно и не замѣчать, но сейчасъ, когда утомлена душа, когда ничего не знаешь, что происходитъ тамъ, гдѣ рѣшается судьба и людей и исторіи, когда ловишь каждое логичное слово, — Боже мой, какъ мнѣ противны эти люди, о которыхъ я сейчасъ говорилъ! . . Почему никто не догадается объявить ихъ военноплѣнными и дать имъ принудительныя работы?! . .

Арк. Буховъ.



АРМЯНСКАЯ ЗАГАДКА

или

попытка выскочить изъ заколдованнаго круга нѣмецкихъ сюжетовъ.

Носитъ каску. Сухорукъ,
Мраченъ, какъ паукъ,
Ѣстъ на кухнѣ даромъ;
Крутитъ гордо, для красы,
Вертикальные усы,
Разсуждаетъ съ жаромъ;
Помѣшался на одномъ:
Грезитъ ночью онъ и днемъ
Міровымъ пожаромъ.

Угадайте — чей портретъ?
Угадаете иль нѣтъ?

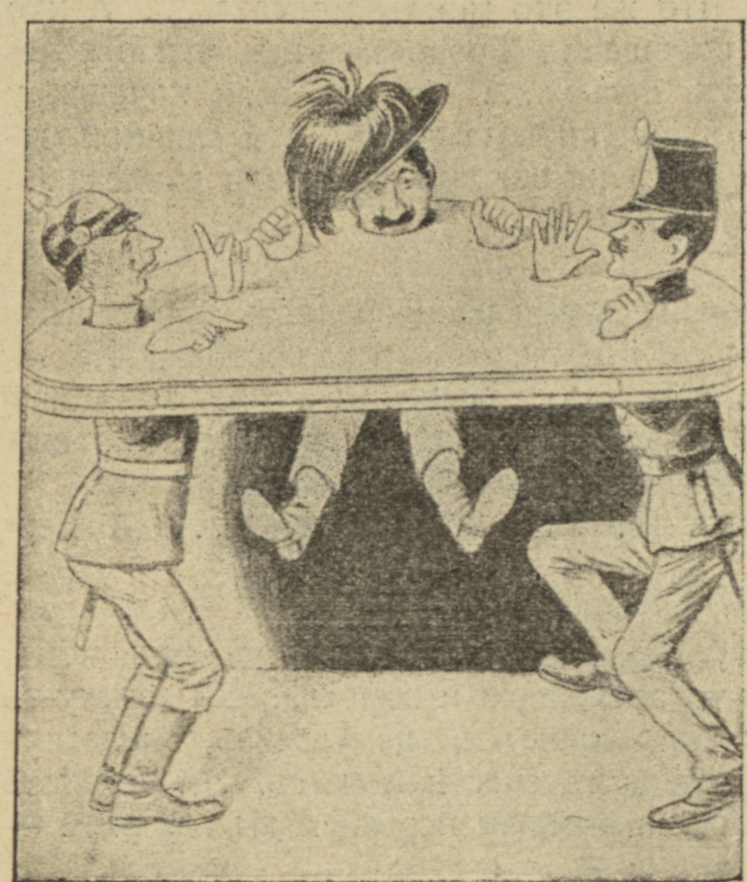
Недогадливый пижонъ
Легкомысленно заявитъ:
«Сей вопросъ втупикъ не ставитъ,
«Кайзеръ здѣсь изображенъ!»

Ахъ, читатель-другъ!
Сей портретъ — коварный:
Это — кумъ пожарный,
По фамильи — «Сухорукъ».

Полицеверзи.

КАКЪ НѢМЦЫ ДО ВОЙНЫ ИЗОБРАЖАЛИ САМИХЪ СЕБЯ.

(Kikireki. Wien.)



Неудобства тройственнаго союза.

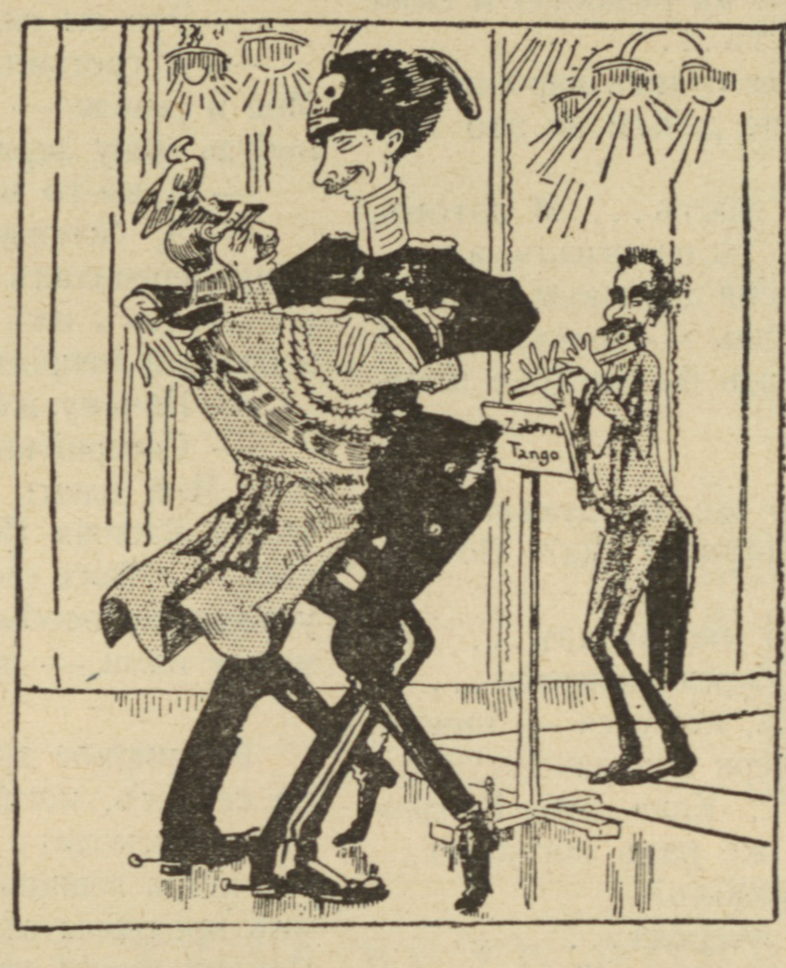
(Kikireki. Wien.)

Раньше и теперь.

(Simplicissimus. München.)

Счастливая Австрія . . ее поддерживаютъ... но надолго ли?

(Kikireki. Wien.)



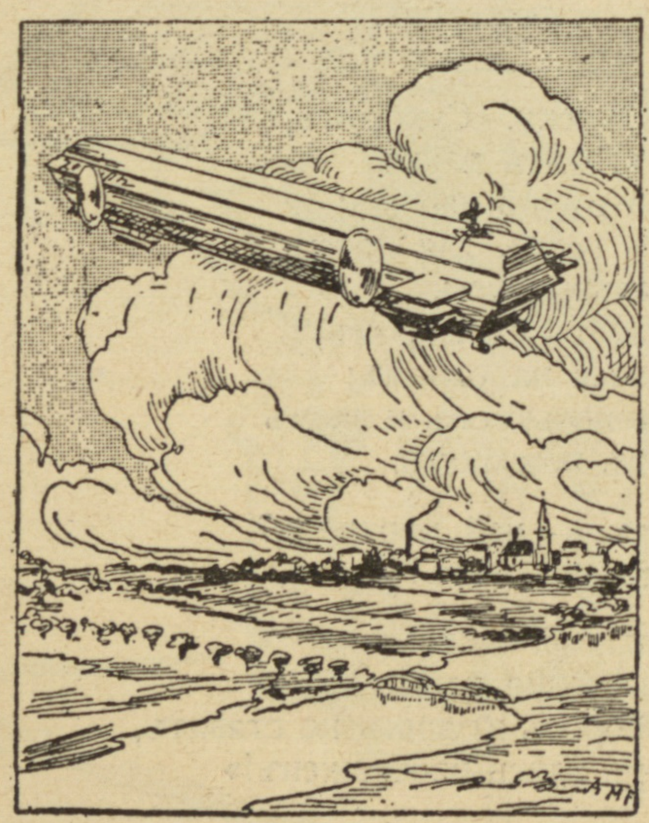
Все уладилось.

Отецъ съ сыномъ отплясываютъ танго.

(Jugend. München.)

Редакторы сатирическихъ журналовъ благодарятъ Вильгельма за то, что онъ своими рѣчами и поступками давалъ имъ обильный матеріалъ для карикатуръ.

(Der wahre Jacob. Stuttgart.)



Корабль — гробъ.

Проектъ для новыхъ цеппелиновъ.

(Ulk — Berlin.)

Паденіе Германіи при преемникахъ Бисмарка. Что будетъ при слѣдующемъ?

ШРАПНЕЛЬ.

I.

Когда Вильгельмъ увидѣлъ, что прусскому орлу не справиться съ галльскимъ пѣтухомъ, онъ подкрѣпилъ орла — тучами утокъ.

II.

Гуси спасли Римъ.

Спасутъ ли Берлинъ утки — вопросъ ближайшаго будущаго.

III.

«Славны бубны за горами» — такъ говорили въ Австріи до войны.

Теперь австріяки увидѣли, что и пики за горами — тоже недурнаго качества.

IV.

— «Да что они: креста на нихъ нѣтъ, что ли?!» — такъ говорили прежде о дикихъ, озвѣрѣлыхъ людяхъ.

Теперь этого, увы, не окажешь!

Ибо:

«Германскія войска, оперировавшія въ Бельгіи, буквально, засыпаны Вильгельмомъ крестами, орденами и иными знаками воинскаго отличія».

V.

Когда Ее похоронятъ, надъ прахомъ Ея будетъ поставленъ памятникъ.

Съ надписью:

«Ее задушилъ Круппъ». **Щ.**

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Казусъ.

„Биржев. Вѣд.“ сообщаютъ:

Къ югу отъ Ниско наша рота, переправившаяся черезъ Санъ, была атакована превосходными силами австрійцевъ. Непріятель прислалъ парламентеровъ съ сообщеніемъ, что если наша рота немедленно не сдастся, то никому не будетъ дано пощады. Наша рота отвѣчала на это предложеніе пачечнымъ огнемъ, а австрійскіе парламентеры отказались вернуться обратно, прося считать ихъ плѣнными.

И получилось крайне затруднительное, почти безвыходное положеніе: оставить парламентеровъ у себя — нѣмцы скажутъ, что русскіе грубо нарушаютъ обычаи войны, задерживая парламентеровъ... Выгнать ихъ — нѣмцы скажутъ, что русскіе скверно обращаются съ парламентерами...

Вотъ тутъ и вертись.

Квартирмейстеръ-философъ.

Существуетъ старый анекдотъ:

Еврей, сидя на галеркѣ театра, неистово аплодируетъ Шаляпину:

— Браво, Видмѣдевъ! Браво, Видмѣдевъ!

— Что вы, — замѣчаетъ сосѣдъ. — Это не Медвѣдевъ, а Шаляпинъ!

— Ой, при чемъ тутъ вѣроисповѣданіе!?..

Какъ извѣстно, Медвѣдевъ былъ еврей.

Такое же недоразумѣніе произошло съ нѣмецкимъ университетомъ въ Галле:

„Философскій факультетъ университета въ Галле преподнесъ генералъ-квартирмейстеру Штейну дипломъ на званіе почетнаго доктора философіи“.

— Браво, Штейнъ, — оретъ до хрипоты нѣмецкій университетъ. — Браво! Жалую вамъ дипломъ доктора философіи!

— Какой онъ докторъ философіи, — возражаетъ здравомыслящій сосѣдъ. — Онъ генералъ-квартирмейстеръ!

— При чемъ тутъ вѣроисповѣданіе?!..

Дѣйствительно, не при чемъ. Если ученый нѣмецъ хочетъ сдѣлать глупость — такъ ужъ его ничто не удержитъ.

Хотя бы сдѣлали такое комбинированное званіе: „Квартирмейстеръ философіи“.

Шантажъ.

Бывшій австрійскій морской министръ, графъ адм. Монтекукколи заявилъ, что въ случаѣ войны между Австріей и Италіей австрійскій флотъ немедленно уничтожитъ городъ Венецію.

И напрашивается очень естественный, немного рѣзкій вопросъ:

— Ты хочешь уничтожить Венецію? А вновь построить ты ее, мерзавецъ, сумѣешь?

Непритязательные весельчаки.

Изъ письма офицера:

„Я разскажу вамъ курьезъ, случившійся у насъ въ —. Наши сидѣли въ траншеяхъ въ 25 саженяхъ отъ нѣмцевъ. И одинъ весельчакъ изъ нашихъ выставилъ изъ траншеи импровизированную мишень, — грубо нарисованный рядъ концентрическихъ круговъ. Нѣмцы стали стрѣлять въ нее, и наши сигнализировали имъ результаты. Когда, наконецъ, кто-то изъ нѣмцевъ попалъ въ самый центръ, — наши громкими криками выразили ему свое одобреніе. Немного спустя, нѣмцы выставили намъ такую же мишень, и наши всю ее изрѣшетили пулями, послѣ чего обѣ траншеи долго еще обмѣнивались криками взаимнаго одобренія и пѣснями...“

Тамъ, гдѣ нѣтъ театровъ, концертовъ и ресторановъ съ музыкой, — каждый изобрѣтаетъ себѣ увеселеніе сообразно съ окружающей обстановкой.

Культуртрегеры.

7-го октября нашъ врачъ представилъ при рапортѣ 12 склянокъ, оставленныхъ отступающими съ лѣваго берега р. Сана австрійцами мѣстной жительницѣ для раздачи русскимъ солдатамъ. При изслѣдованіи содержимаго въ этихъ склянкахъ оказались культуры холерныхъ вибріоновъ.

Недаромъ нѣмцы называютъ себя культурнымъ народомъ.

Вносить культуру даже въ сѣренькую жизнь холерныхъ вибріоновъ — это ли не свѣтлая прекрасная задача?

Мертвый народъ.

„Нов. Время“ разсказываетъ такую лазаретную сценку:

У окна сестрица бинтуетъ тяжело раненаго Нѣмца. У него раздроблено полголовы. Вся лѣвая сторона лица — сплошная рана. Уха нѣтъ, глазъ вытекъ.

Сестрица заботливо и осторожно накладываетъ бинтъ. Видно, что Нѣмцу больно, но онъ ни однимъ стономъ не выдаетъ своей боли. И отъ этого сестрица дѣлается еще осторожнѣе, и всѣ ея движенія при перевязкѣ говорятъ о томъ, что она старается какъ можно меньше доставить раненому боли.

Перевязка окончена. Сестрица наклоняется къ раненому:

— Что лучше теперь, голубчикъ? — спрашиваетъ она и смотритъ нѣжнымъ ласковымъ взоромъ въ глаза раненому, ожидая отвѣта. — Легче теперь?

Вмѣсто отвѣта Нѣмецъ размахивается и изо всей силы ударяетъ сестрицу въ грудь кулакомъ.

— За что? — вырвалось у ней.

Бѣдная, нищая духомъ страна — Германія.

Уже чувствуется запахъ тлѣнія, идущій отъ нея, уже заживо разлагается это подмалеванное, замкнутое въ желѣзную броню, истощенное тѣло.

Мерзавцы.

Вотъ какъ велъ себя сынъ Вильгельма, принцъ Эйтель, подъ предводительствомъ котораго нѣмцы захватили въ плѣнъ мирныхъ бельгійцевъ:

Заложниковъ отвели въ сосѣдній домъ и заперли ихъ въ уборной. Въ продолженіе двухъ часовъ имъ пришлось выслушивать непристойныя поношенія отъ германскихъ офицеровъ и солдатъ, глумившихся надъ ними съ какимъ-то утонченно-жестокимъ цинизмомъ.

По истеченіи двухъ часовъ ихъ опять привели въ комнату, въ которой на предсѣдательскомъ мѣстѣ возсѣдалъ за столомъ принцъ Эйтель. Заложникамъ было объявлено, что ихъ тотчасъ поведутъ на смертную казнь. Одинъ изъ офицеровъ сѣлъ за рояль и сталъ плохо слушающимися руками исполнять похоронный маршъ Шопена. Когда же наступило время вести заложниковъ на разстрѣлъ, какой-то офицеръ въ капитанскомъ мундирѣ склонился передъ ними въ церемонномъ поклонѣ и на прескверномъ французскомъ языкѣ сказалъ: „До свиданія, господа, счастливаго пути“.

Мы думаемъ, что если бы вели на разстрѣлъ того музыканта, который игралъ передъ казнью плѣнныхъ похоронный маршъ Шопена, то всѣ услышали бы вмѣсто Шопена визгливый плачъ мерзавца, который не можетъ, конечно, передъ смертью не быть мелкимъ мерзавцемъ.

Дальше произошло вотъ что:

Пламя факеловъ бросало багровый отсвѣтъ на взводъ германскихъ солдатъ, передъ дулами ружей которыхъ заложникамъ было приказано выстроиться въ шеренгу. 20 минутъ германцы продержали несчастныхъ на границѣ жизни и смерти. Но внезапно раздалось характерное жужжаніе летательнаго аппарата, и спустя нѣсколько минутъ аэропланъ системы „Taube“ спустился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ взвода солдатъ. Авіаторъ привезъ плохія извѣстія: значительный отрядъ англичанъ приближался къ городу. Германцы, предоставивъ заложниковъ ихъ собственной участи, пустились наутекъ.

Офицеръ, командовавшій экзекуціоннымъ взводомъ, помчался галопомъ къ дому Белье, гдѣ находились принцъ Эйтель и офицеры генеральнаго штаба. Съ большимъ трудомъ удалось растолковать пьянымъ офицерамъ, что время не терпитъ и что необходимо спасаться бѣгствомъ. Принцъ Эйтель, съ большимъ трудомъ преодолѣвая естественную послѣ попойки усталость, вышелъ изъ комнаты во дворъ. Его посадили въ сѣдло, и онъ, высоко поднявъ обнаженную шпагу, помчался впереди офицеровъ генеральнаго штаба.

На слѣдующій день передъ домомъ Белье одинъ изъ мѣстныхъ жителей поднялъ въ грязи красивый золотой крестъ съ императорской короной и бѣло-красной ленточкой. Этотъ крестъ недавно получилъ принцъ Эйтель.

Кромѣ всѣхъ его недостатковъ, императоръ Вильгельмъ еще и кощунникъ: какъ можно навѣшивать кресты на стадо пьяныхъ свиней?..

Издѣвательство надъ художникомъ.

Изъ Берлина сообщаютъ, что императоръ Вильгельмъ назначилъ художника-баталиста Шебеля въ свою свиту и велѣлъ ему сопровождать себя во всѣхъ походахъ, при чемъ присвоилъ Шебелю титулъ: „живописецъ побѣдъ“.

Еще одинъ безработный!

Начало конца.

„По свѣдѣніямъ нью-іоркской печати, въ квартирѣ Вильгельма приняты особыя предосторожности противъ набѣга англійскихъ и французскихъ летчиковъ: устроена проволочная сѣть, кровля покрыта стальными листами.

Теперь только остается обить помѣщеніе внутри тюфяками, надѣть на Вильгельма рубашку съ длинными рукавами — и жизнь Вильгельма приметъ нормальный характеръ.

Тяжкая обида.

Озвѣрѣлые нѣмцы устраиваютъ изъ бѣдной Бельгіи сваточный пунктъ:

По свѣдѣніямъ „Пет. Курьера“, второй сынъ Вильгельма объявленъ намѣстникомъ и наслѣднымъ принцемъ бельгійскимъ.

Это сдѣлано, вѣроятно, по тому же принципу, по которому нѣмцы ставятъ въ чужихъ храмахъ своихъ лошадей.

Все разсчитано.

Мадридскій корреспондентъ „Liberal“ сообщаетъ „программу“, составленную Вильгельмомъ въ предвидѣніи улыбнувшагося ему вступленія въ Парижъ.

Первый пунктъ — взятіе въ плѣнъ президента Пуанкарэ, всѣхъ министровъ, англійскаго и русскаго посланниковъ, директоровъ банковъ и президента сената.

Второй пунктъ — конфискація суммъ французскаго банка.

Третій пунктъ — арестъ всѣхъ видныхъ представителей политическаго міра, банкировъ и писателей, враждебныхъ Германіи, по списку, заранѣе составленному въ германскомъ посольствѣ въ Парижѣ.

Четвертый пунктъ — размѣщеніе въ Парижѣ арміи въ 600.000 человѣкъ для поддержанія порядка.

Для поддержанія порядка нужно размѣстить не 600.000 человѣкъ, а только одного — Вильгельма. Но мѣстомъ его размѣщенія должно быть — Мэзонъ-Санте.

Какъ понимать?

Изъ Берлина телеграфируютъ, что въ рѣчи къ солдатамъ Вильгельмъ сказалъ: „Впередъ, молодые люди, еще до листопада вы вернетесь въ наше дорогое отечество“.

Какъ понять?

Судя по тому, какъ энергично работаютъ русскіе, — нѣмецкіе „молодые люди“, дѣйствительно, вернутся очень скоро въ ихъ дорогое отечество...

ЗАПАСНЫЕ.

Сѣялась нудная мгла,
Шли серединой дороги,
Черная грязь оплыла
Въ лапти обутыя ноги...

Медленно улицей шли,
Кланялись каждому дому,
Вѣтры широко мели,
Съ крышъ обдирая солому...

Въ заревѣ красномъ погасъ
День, не дождавшись заката;
Бабы голосили въ разъ,
Съ плачемъ бѣжали ребята.

Дѣдъ вдоль завалины ползъ...
Въ бороду, сбитую паклей,
Пряталъ непрошенныхъ слезъ
Ѣдкую каплю за каплей.

Вотъ и послѣдней избы
Уголъ, повернутый къ лѣсу..
Стелется дымъ изъ трубы,
Куры плетутся къ навѣсу...

Дѣдъ, обронивъ костыли,
Кашлялъ у житницы древней...
Долго уйти не могли,
Земно прощаясь съ деревней...

Ночь залегла впереди,
Вязли въ размытомъ прогонѣ,
Кто-то съ тоскою въ груди
Плакалъ на хриплой гармони...

Валентинъ Горянскій.

ПОДДЕРЖАЛЪ.

— Наша австрійская армія — самая блестящая армія.
— Совершенно вѣрно. Пятки такъ и сверкаютъ.

Волкъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“
Петроградъ, Невскій, 98.
Дешевая юмористическая библіотека
Вышли и поступили въ продажу
слѣдующіе выпуски:
№ 1—12. Аркадій Аверченко.
№ 13. Тэффи.
№ 14. Ландау.
№ 15. Аркадій Аверченко.
№ 16. О'Л. Д'Оръ.
№ 17. Аркадій Аверченко.
№ 18. К. Милль.
Цѣна выпуска 10 коп.
ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
новая книга
(выпускъ Дешевой библіотеки):
АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.
„О НѢМЦАХЪ и О ПРОЧЕМЪ ТАКОМЪ“...
Обложка работы РЕ-МИ.
Цѣна 10 коп.

Состоящій подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
СКОБЕЛЕВСКІЙ Комитетъ,
открывая госпитали-санаторіи для леченія воиновъ, призванныхъ подъ знамена на защиту Родины, — призываетъ отзывчивыхъ русскихъ людей **внести свою посильную лепту на пользу тѣхъ,** кого такъ горячо любилъ незабвенный Михаилъ Дмитріевичъ СКОБЕЛЕВЪ и кто боготворилъ его.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго **просятъ не стѣсняться,** такъ какъ всякое пожертвованіе, какъ вещами, такъ и деньгами, будетъ принято съ благодарностью.

Лицъ, желающихъ помочь своимъ личнымъ трудомъ, просятъ пожаловать въ Канцелярію Комитета.

Пожертвованія принимаются въ Канцеляріи Комитета, Петроградъ, Пески, Мытнинская ул., № 27.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Военный обозрѣватель одной петроградской вечерней газеты (не называемъ ея имени, чтобы не конфузить) пишетъ такое глубокомысленное разсужденіе:

„Изъ дипломатическаго источника въ Аѳинахъ узнали, что германцы перевозятъ подводныя лодки сухимъ путемъ въ разобранномъ и особеннымъ образомъ упакованномъ видѣ въ Констанцу, откуда этотъ грузъ отправленъ въ Константинополь.

Не затрагивая вопроса о томъ, насколько допустимымъ является предположеніе о явномъ нарушеніи Румыніей нейтралитета путемъ пропуска изъ Германіи военнаго груза, интересно отмѣтить только, какъ трудно провести по желѣзной дорогѣ незамѣченной подводную лодку даже въ совершенно разобранномъ видѣ.

Для самостоятельнаго дѣйствія въ обширномъ, совершенно лишенномъ острововъ и весьма въ зимнее время бурномъ Черномъ морѣ можно считать пригодными подводныя лодки, водоизмѣщеніемъ не менѣе 350 тоннъ, т. е. 21,700 пудовъ.

Такъ какъ одинъ товарный вагонъ подымаетъ максимально 1,000 пудовъ груза, то, слѣдовательно, для перевозки одной только подводной лодки понадобится цѣлый поѣздъ въ 22 вагона.

Сначала военный обозрѣватель говоритъ о *водоизмѣщеніи* лодки, а въ концѣ переѣзжаетъ на ея *вѣсъ*.

Да будетъ извѣстно этому военному спеціалисту, что водоизмѣщеніе судна и его вѣсъ — совсѣмъ не одно и то же... Дѣтскій воздушный шаръ, если его сунуть въ воду, вытѣснитъ бутылки двѣ воды, но это вовсе не значитъ, что этотъ воздушный шаръ вѣситъ столько же, сколько двѣ бутылки воды.

Если военный обозрѣватель подаритъ своимъ дѣтямъ такой воздушный шаръ, вѣсомъ фунта въ четыре, дѣти отнесутся и къ шару и къ обозрѣвателю съ презрѣніемъ.

*

Новое толкованіе Пушкина.

Въ журналѣ „Природа и Люди", № 46, отъ 18 сентября 1914 г., въ статьѣ Д. Святскаго „Комета отечественной войны" напечатано:

„... Замѣчательно, что и во Франціи, по словамъ Фламмаріона, обильный урожай винограда въ 1881 году ставился народомъ въ связь съ кометой. Отсюда, можетъ быть, ведетъ происхожденіе и знаменитое вино „Комета", о которомъ упоминается и у Пушкина:

„Вина кометы брызнулъ токъ".

А тоже еще одинъ „профессоръ" объяснялъ этотъ стихъ простой опечаткой — надо было читать такъ:

„Вина кометы: брызнулъ токъ!"

т. е. токъ брызнулъ по винѣ кометы.

*

Выходящій въ Армавирѣ „Листокъ Телеграммъ" сообщаетъ поразительныя вещи:

Австрійскія военныя суда, попрежнему, укрываются въ Каиторо (?) на полѣ (!!!).

Мы знаемъ полевую артиллерію. Умные армавирцы открыли и полевой флотъ.

Очевидно, полевой миноносецъ недавно наѣхалъ на гулявшаго по полю редактора армавирскаго „Листка" и повредилъ несчастному голову.

НОВОЕ ПРОИЗВОДНОЕ.

— Слышали? Нынче, вмѣсто водки, стали лакъ пить.

— Теперь я понимаю, откуда происходитъ слово «налакаться».

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА".

(Непринятыя рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Г. К. И. — Нехорошо.

Г. Б. — Тоже.

Клинскій, Ник. Чил.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Добить посмѣетъ раненныхъ, лежащихъ на землѣ!
Конечно нѣмецъ, австріякъ.
— Такъ!

Теперь понятно, почему нѣмцы такъ поспѣшно бѣжали изъ-подъ Варшавы. Вы имъ просто показали эти стихи.

М. М. Б—чу. — Слабо.

Москва.

Эмпека. — Не подошло.

Кэти. — Тоже.

Евгеньеву. — Принято въ запасъ.

Вамееву. — Едва ли вамъ слѣдуетъ продолжать.

А. Плотникову. — Спасибо за ласковое письмо. Что касается разсказа, то въ немъ есть крупный недостатокъ: это, всего на все анекдотъ въ 5 строкъ и разсказа изъ него дѣлать не слѣдовало.

Б. Провинція.

Алек. Алекс. — Изъ присланнаго взяли „Два пейзажа".

Витебскъ. — Александру В.

Забрались пруссаки къ намъ въ Россію,
Захотѣлось имъ русскихъ побить.
Но нежданно медаль повернулась
И пошли же мы нѣмцевъ лупить
А Вильгельмъ, ихъ кайзеръ дурацкій,
Ожидалъ о побѣдѣ вѣстей,
Но услышавъ напѣвъ нашъ казацкій,
Задрожалъ онъ до мозга костей.

Не Вильгельмъ кайзеръ дурацкій, а стишки ваши, простите, таковые.

Бѣжецкъ. — Панову. — Рукопись такъ неразборчива, что прочесть не представлялось возможности.

Екатеринославъ. — Борису, Е. — Рисунки никуда не годятся.

Въ пространство — Диллетанту. — Хотя вы и предупреждаете, что нѣкоторые журналы помѣщали ваши статьи, но мы можемъ отвѣтить на это словами Хлестакова:

— Унтеръ-офицерскую вдову вы могли высѣчь, а меня не смѣете.

Другими словами, — для „Сатирикона" ваше указаніе не примѣръ.

Казань. — Кроньякову. — Не подошло.

Иваново-Вознесенскъ. — N. R. — Хотя и не взяли, но не смущайтесь; кое-что въ наброскѣ чувствуется.

Аскольду Идирову — Не подошло. **Ave.**

Редакторъ **А. Т. Аверченко.**
Издатель **Т-во „Н. Сатириконъ".**

Гдѣ бываютъ артисты и писатели за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ **?**

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

Комфортабельные кабинеты.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ СЕРІЯ ВОЕННЫХЪ

I СЕРІЯ (6 шт.) **ЮМОРИСТИЧЕСКИХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ОТКРЫТЫХЪ ПИСЕМЪ** I СЕРІЯ (6 шт.)

издательства „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ".

Рисунки художниковъ: И. Билибина, Миссъ, А. Радакова и Ре-ми.

Цѣна серіи 40 коп., съ пересылкой 50 коп.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

2-й годъ изданія. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА 2-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ **„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ"** 3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) **6** руб. Съ пересылкой и доставкой **6** руб. **50** к., на полгода **3** руб. **25** к., на 3 мѣс. **1** руб. **75** коп., на 1 мѣс. **60** коп.

Адресъ конторы и редакціи: **Петроградъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.**

Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразованіе", Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

РУССКІЕ НА КУРОРТАХЪ.

Рис. Ре-ми.

АРИСТОКРАТИЗМЪ ВЪ РУССКИХЪ ОКОПАХЪ.

1-й солдатикъ: — Ты гдѣ, товарищъ, думаешь быть въ этомъ сезонѣ?
2-й солдатикъ: — Думаю, въ Висбаденѣ. А ты?
— А я, вѣроятно, попаду въ Маріенбадъ.